

Суад Мехеннет

18+

Мне сказали прийти одной

История, завоевавшая мир

Washington Post BEST BOOK 2017

Guardian BEST POLITICS BOOK 2017

Суад Мехеннет
Мне сказали прийти одной
Серия «Травелоги.
Дневник путешественника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32544560
Мне сказали прийти одной / Суад Мехеннет / пер. с англ. В.
Краснянская: Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-982414-5

Аннотация

На протяжении всей своей жизни Суад Мехеннет, репортер The Washington Post, родившаяся и получившая образование в Германии, должна была балансировать между двумя сторонами ее жизни: мусульманским воспитанием и европейской жизнью. Она всегда пыталась выстроить мост между мусульманской и европейской культурой, пытаясь примирить тех, кто никак не может услышать и понять друг друга.

В книге-мемуарах «Мне сказали прийти одной» Суад Мехеннет, отважная журналистка предлагает вам отправиться вместе с ней в опасное путешествие – по ту сторону джихада. Только в этой книге вы прочтете всю правду о радикалах 9/11 в немецких кварталах, вместе с ней отправитесь на границу Турции

и Сирии, где не дремлет ИГИЛ, побываете на интервью с людьми из «Аль-Каиды», одними из самых разыскиваемых людей в мире. Это история, которую вы не скоро забудете.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Суад Мехеннет

Мне сказали прийти одной

*Моим дедушкам и бабушкам, родителям, брату
и сестрам*

Пролог

Встреча с ИГИЛ. Турция, 2014 год

Мне сказали: приходи одна. Я не должна была брать какие-либо документы, удостоверяющие личность, а также оставить в своем отеле в турецкой Антакье сотовый телефон, записывающее устройство, часы и кошелек. Все, что я могла взять с собой, – это блокнот и ручку.

Взамен я хотела поговорить с кем-нибудь из представителей власти, с кем-то, кто мог бы объяснить мне долгосрочную стратегию Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ). Это было летом 2014 года, за три недели до того, как группировка начала называться этим именем, выпустив видеоролик, где был обезглавлен американский журналист Джеймс Фоли. Уже тогда я подозревала, что ИГИЛ сыграет важную роль в мире глобального джихада. Как журналист, освещающий распространение исламской религиозной воинственности в Европе и на Ближнем Востоке для

«Нью-Йорк таймс», основных информационных агентств Германии, а теперь еще и «*Вашингтон пост*», я наблюдала, как группировка формировалась в мире, созданном атаками 11 сентября, двумя проведенными Соединенными Штатами войнами и переворотом, получившим название «Арабская весна». С некоторыми из ее будущих членов я общалась уже многие годы.

Своим информаторам из ИГИЛ я сказала, что буду задавать любые вопросы, какие захочу, и не буду показывать им всю статью или ее части до того, как она будет опубликована. С их стороны мне нужны были гарантии того, что меня не похитят. И поскольку мне не разрешили взять с собой кого-либо из «*Вашингтон пост*», я попросила, чтобы на встрече разрешили присутствовать надежному человеку, который помог бы организовать интервью.

– Я не замужем, – сказала я лидеру ИГИЛ. – Я не могу пойти с вами одна.

Как женщина-мусульманка марокканско-турецкого происхождения, которая родилась и выросла в Германии, среди журналистов, освещающих джихад, я всегда оставалась немного в стороне. Но за годы, прошедшие с того момента, когда я, еще будучи студенткой колледжа, начала писать о террористах, совершивших угон самолетов 11 сентября, мое происхождение не раз давало мне доступ к подпольным военным лидерам. Таким был и человек, с которым я должна была встретиться в тот июльский день в Турции.

Я знала, что ИГИЛ берет журналистов в заложники. Чего я не знала, так это того, не курирует ли лидер, с которым я встречусь, программу по захвату заложников, которую возглавлял говорящий с британским акцентом убийца, появляющийся в видеозаписях и получивший мировую известность как джихадист Джон. Позже я узнала, что человек, с которым я встречалась тем летом, известный под именем Абу Юсаф, играл ведущую роль в пытках заложников, в том числе применял пытки, имитирующие утопление.

Я хотела встретиться с Абу Юсафом днем в общественном месте, но мне сказали, что это невозможно. Встреча состоится вечером, с глазу на глаз. За несколько часов до ее начала мой информатор перенес время на половину двенадцатого. Такое развитие событий никак было нельзя назвать успокаивающим. Годом ранее полицейские из немецкого антитеррорстического подразделения постучали в двери моего дома, чтобы сообщить о том, что они узнали: исламисты задумывают мое похищение. Они хотят заманить меня на Ближний Восток, пообещав эксклюзивное интервью, затем похитить и принудить выйти замуж за боевика. Эти угрозы сразу пришли мне на ум, пока я задавалась вопросом, в своем ли я уме, делая все это. Но, несмотря на эти переживания, я продолжила. Если все получится, я буду первым западным журналистом, который возьмет интервью у командующего из высшего звена ИГИЛ, и останусь живой, чтобы рассказать всю историю.

Стоял жаркий день в конце Рамадана. Пока я готовила вопросы в своем номере отеля в Антакье, на мне были джинсы и футболка. Перед тем как выйти, я надела черную абайю, традиционное арабское женское платье с рукавами, оставляющее открытыми только лицо, кисти рук и стопы ног. Один из помощников Абу Мусаба аль-Заркави выбрал этот наряд для меня много лет назад, когда я побывала в последнем оплоте «Аль-Каиды» Эз-Зарке в Иордании. Помощник аль-Заркави утверждал, что эта абайя с розовой вышивкой – одна из самых красивых в магазине, а ее ткань – достаточно тонкая, чтобы комфортно чувствовать себя в жару. С тех пор платье стало чем-то вроде моего талисмана. Я всегда надевала его в трудных ситуациях.

Мы должны были встретиться с Абу Юсафом на турецко-сирийской границе, неподалеку от пограничного поста Рейханлы. Я хорошо знала эти места: моя мать выросла неподалеку и я часто бывала здесь, когда была ребенком.

Я попрощалась со своим коллегой из *«Вашингтон пост»* Энтони Файолой, остававшимся в отеле, оставила ему номера телефонов, по которым он мог связаться с моими родными, если дела пойдут плохо. Примерно в четверть одиннадцатого мужчина, который помогал мне организовать интервью и которого я знала под именем Акрам, заехал за мной в отель. После сорокапятиминутной поездки мы въехали на парковку ресторана при отеле, расположенном около границы, и стали ждать. Вскоре в темноте появились два автомо-

бия. Водитель передней машины, белой «Хонды», вышел, а мы с Акрамом сели в нее, Акрам – за руль, а я на пассажирское сиденье.

Я оглянулась назад, чтобы посмотреть на сидящего на заднем сиденье человека, у которого хотела взять интервью. На вид Абу Юсафу было двадцать семь или двадцать восемь лет, он носил бейсбольную кепку и темные очки, которые скрывали его глаза. Он был высок, хорошо сложен, с короткой вьющейся бородой и волосами до плеч. Одетый в рубашку поло и свободные брюки цвета хаки с большими карманами, он мог бы бесследно раствориться на любой европейской улице.

Три старых телефона, то ли Nokia, то ли Samsung, лежали около него на сиденье. Как объяснил Абу Юсаф, никто, занимающий его положение, из соображений безопасности не пользуется iPhone, с помощью которого за ним легко будет следить. Лидер ИГИЛ носил электронные часы, похожие на те, которые я видела на американских солдатах в Ираке и Афганистане. Его правый карман оттопыривался, я решила, что там он держит пистолет. Я задалась вопросом о том, что может случиться, если нас остановит турецкая полиция.

Акрам повернул ключ зажигания, и машина тронулась в темноту вдоль турецкой границы. Иногда мы проезжали мимо маленьких деревушек. Я слышала, как за окнами машины свистит ветер. Вначале я пыталась отследить, куда мы движемся, но потом меня захватил разговор с Абу Юсафом.

Он говорил тихо и спокойно. Лидер ИГИЛ пытался скрыть свое марокканское происхождение и то место в Европе, где он вырос, но я заметила характерные для Северной Африки особенности. А когда я перешла с классического арабского на марокканский арабский, он понял и ответил подобным же образом. Выяснилось, что Абу Юсаф родился в Марокко, но начиная с подросткового возраста жил в Нидерландах. «Если вам также захочется проверить, как я говорю по-французски, просто спросите меня», – сказал он, улыбаясь. Также он говорил и на голландском, а позже я узнала, что он получил инженерное образование.

Пока мы ехали, Абу Юсаф объяснял свою концепцию: ИГИЛ освободит всех мусульман, от Палестины до Марокко и Испании, а потом двинется дальше, распространяя ислам по всему миру. С любым, кто оказывает сопротивление, следует обращаться как с врагом. «Если Соединенные Штаты засыпят нас цветами, мы в ответ тоже засыплем их цветами, – сказал Абу Юсаф. – Но если они обрушат на нас огонь, мы ответим им огнем, который разгорится прямо в сердце их родины. То же самое будет и с любой западной страной».

Он сказал, что у ИГИЛ множество ресурсов и опыта. На самом деле группировка была создана втайне задолго до того, как вышла на мировую арену. Среди ее членов были образованные люди из западных стран, хорошо тренированные офицеры безопасности из президентской гвардии Саддама Хусейна и бывшие последователи «Аль-Каиды». «Вы дума-

ете, мы принимаем к себе всяких недоумков? – спросил Абу Юсаф. – Вовсе нет. У нас собрались люди со всего мира. У нас есть братья из Великобритании с университетскими степенями, и родились они в самых разных странах: Пакистане, Сомали, Йемене и даже Кувейте». Позже я поняла, что он говорил о четверых тюремщиках из ИГИЛ, которых несколько заложников будут называть «битлами»: джихадист Джон и еще трое парней, говоривших с английским акцентом.

Я спросила, что заставило Абу Юсафа присоединиться к группировке. Он сказал, что по горло сыт лицемерием западных правительств, которые всегда говорят о важности прав человека и свободы вероисповедания, но в то же время относятся к мусульманам, как к гражданам второго сорта. «Посмотрите, как к нам относятся в Европе, – сказал он мне. – Я хотел быть частью общества, в котором я вырос, но всегда чувствовал, что обо мне думают: «Ты всего лишь какой-то мусульманишка, ты всего лишь марокканец, и мы тебя не примем».

Он сказал, что вторжение Соединенных Штатов в Ирак в 2003 году было несправедливым: там не было никакого оружия массового поражения, иракцев пытали в Абу-Грейб, и никаких последствий для американцев за это не было.

– А после этого они показывают на нас и говорят, какие мы варвары.

– Вы говорите, что вы против убийства невинных, – сказала я. – Так почему же вы похищаете и убиваете ни в чем

неповинных людей?

Несколько секунд он молчал, потом сказал:

– Каждой стране выпадает шанс освободить своих людей. Если они не пользуются им, то это их проблема. Мы на них не нападали, это они напали на нас.

– Так чего вы ожидаете, если берете людей в заложники? – ответила я.

Тогда он начал рассказывать о своем марокканском дедушке, который боролся за свободу с французскими колонизаторами, и проводить параллели между тем джихадом и сегодняшним. «Все это последствия того, что американцы пытаются сделать Ирак своей колонией, – сказал Абу Юсаф. – Теперь мы начинаем джихад, чтобы освободить мусульманский мир».

Но мой дедушка тоже боролся за свободу Марокко. Когда я была маленькой, он рассказывал мне о том «джихаде», о том, как мусульмане и их «еврейские братья» боролись за то, чтобы изгнать французов, захвативших земли предков. «Мы не убивали женщин, детей и вообще гражданских лиц, – говорил мне дедушка. – Это во время джихада не позволено». То восстание совершенно не было похоже на ужасы, которые творило ИГИЛ.

– Но то была его страна, – сказала я. – А это не ваша страна.

– Но это мусульманская страна. Это страна всех мусульман.

– Я выросла в Европе, как и вы. Я тоже училась в Европе.

– Так почему вы до сих пор верите в то, что европейская система правильная и справедливая? – спросил он.

– А какая у нее есть альтернатива?

– Альтернатива – это халифат.

Наш спор разгорался, становясь все более личным. Между нашими биографиями, казалось, было так много общего. Тем не менее, мы выбрали разные пути, и мой путь Абу Юсаф никак не мог назвать ни «правильным» для женщины-мусульманки, ни исламским путем.

– Зачем вы с собой это делаете? – спросил он. – Вы действительно верите, что Запад нас уважает? Относится к мусульманам как к равным? Единственный верный путь – это наш путь, – под этим он имел в виду так называемое Исламское государство.

– Я читал то, что вы пишете, – сказал он. – Вы брали интервью у главы «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба. Почему вы всего лишь репортер? Почему вы не ведете свое телешоу на немецком телевидении? Почему вы не делаете карьеру в Германии и не получаете всего того, что заслужили?

Я не могла притворяться, что не понимаю, о чем он говорит. Мусульманке в Европе было порой непросто вступать в эпоху зрелости и расти профессионально. Я не носила платок на голове, я считала себя либералкой и феминисткой. Я была соавтором книги о том, как отыскивали последнего фа-

шиста в Каире, и выигрывала престижные гранты в Америке. Но Абу Юсаф был прав: у меня не было своего телешоу в Германии. Чтобы вырасти в моей родной стране как иммигрант-мусульманин или даже как ребенок переселенцев из мусульманской страны, нужно строго соблюдать предъявляемые требования и восхвалять европейскую прогрессивность. Если вы слишком громко критикуете правительство или поднимаете серьезные вопросы, начиная с внешней политики и заканчивая исламофобией, ответный удар может быть достаточно сильным.

Я, безусловно, не могла согласиться с Абу Юсафом насчет того, что халифат – это решение всех проблем. Но мне ничем не могла помочь и мысль о том, что западное общество и политики не достигли особых успехов, пытаясь что-то противопоставить политике, которая делает радикалами таких молодых людей, как он. Увеличение штата спецслужб, которые налагают на людей все больше ограничений, – это не решение, и всемирные разведывательные службы, которые вмешиваются в частную жизнь как виновных, так и ни в чем неповинных людей, – это тоже не решение. Абу Юсаф был из поколения молодых мусульман, которые стали радикалами из-за вторжения в Ирак, подобным же образом молодые люди из предыдущего поколения становились радикалами из-за советского вторжения в Афганистан в 1979 году. Он чем-то напоминал мне моего младшего брата, и я чувствовала себя старшей сестрой, которая должна его защитить. Но я

знала, что с этим уже опоздала.

– Возможно, вы правы: нам приходится сталкиваться с дискриминацией, а мир несправедлив, – сказала я. – Но то, что вы делаете, нельзя назвать джихадом. Вы бы пошли путем веры, если бы остались в Европе, и сделали бы карьеру. Это было бы намного труднее. А вы пошли самым простым путем.

Несколько секунд мы молчали.

Абу Юсаф настаивал на том, чтобы отвезти меня обратно в Антакью, а не возвращаться на место нашей встречи, и к тому времени мы как раз добрались до моего отеля. Я поблагодарила Абу Юсафа и выбралась из машины. Даже в этот час в кофейнях было много людей, которые ели после полуночи, как это принято в Рамадан, но я все равно нервничала. Абу Юсаф говорил с такой непоколебимой уверенностью и яростью. «Те, кто нападет на нас, получат удар в самое сердце своей страны, – сказал он. – Не важно, будет ли это США, Франция, Бразилия или какое-нибудь арабское государство».

«Мы теряем одного за другим, – подумала я. – Этот человек мог стать кем-то еще. У него могла быть совершенно другая жизнь».

Глава 1

Чужак в чужом краю. Германия и Марокко, 1978–1993 года

Когда я родилась, у меня были густые курчавые черные волосы и большие карие глаза. В нашем районе Франкфурта мои родители были практически единственными иммигрантами, и я стала местной достопримечательностью. Уже тогда у меня было достаточно выразительное лицо, и я привлекала внимание, потому что не была похожа на немцев. Когда меня приводили в парк, многие родители отвлекались от своих детей и подходили, чтобы посмотреть на меня. Во Франкфурте, неподалеку от Клеттенбергштрассе, где у нас была квартира, размещалось много американских солдат вместе со своими семьями, и они всегда относились к нам с теплом.

– Ты выглядишь совсем не так, как все эти дети, – позже говорила мне женщина, которую я называла своей немецкой крестной матерью, Антже Эрт. – Ты выглядишь так враждебно, когда на что-то злишься. Люди могут подумать, что ты злая. Но они не смогут не влюбиться в тебя, такого смешного и красивого ребенка.

Я родилась весной 1978 года, накануне того периода, когда мусульманский мир полностью изменился. Через несколько месяцев после моего рождения события в Ира-

не, Саудовской Аравии и Афганистане обрушили его в хаос и привели к десятилетиям государственных переворотов, вторжений и войн.

В январе 1979 года в Иране шах отрекся от престола и бежал вместе со своей семьей. 1 февраля аятолла Хомейни вернулся из многолетней ссылки и основал исламскую республику. Он выступил против своих бывших союзников – интеллектуалов и либералов – и провозгласил возвращение к консервативным религиозным и общественным ценностям, уменьшив права женщин и усилив исламский стандарт внешнего вида. 4 ноября революционно настроенные студенты напали на американское посольство в Тегеране, захватив шестьдесят шесть американцев в заложники. Пятьдесят два человека удерживались в плену более года.

Через шестнадцать дней, в первый день 1400 года по исламскому летоисчислению, группа вооруженных религиозных экстремистов захватила величайшие святыни ислама: Запретную мечеть и Каабу в ее внутреннем дворе. Их снайперы заняли позиции на минаретах и оттуда целились в паломников, молящихся и полицию. Они пытались нанести удар по власти Саудитов и установить режим, основанный на фундаменталистской исламской идеологии.

Осада мечети продолжалась четырнадцать дней и закончилась гибелью более тысячи человек и огромным ущербом, нанесенным святыням. Штурм был проведен силами саудовской армии и иностранных отрядов специального назначе-

ния. Отголоски этого события прогремели по всему миру и имели отклик даже спустя долгое время. Усама бен Ладен часто вспоминал осквернение храма саудовскими войсками, причем возлагая вину на правящую династию Саудитов и восхваляя «честных мусульман», которые превратили святое место в хаос. Несколько месяцев спустя началось советское вторжение в Афганистан, вылившееся в девять лет партизанской войны, которую бен Ладен и другие мусульманские боевики, толпой валившие в Афганистан, провозгласили началом эпохи всемирного джихада.

Жизнь моих родителей протекала куда более обыкновенно. Моя мать Айданур была из Турции, отец Буджма – из Марокко. Они приехали в Западную Германию в начале семидесятых, с разницей в несколько месяцев. Родители были иностранными рабочими, частью волны переселенцев из южной части Европы, Турции и Африки, ищущих работу и возможность создать более благополучную жизнь. В то время Западная Германия еще не полностью оправилась от опустошения, которое принесла Вторая мировая война, и пыталась стать процветающим промышленным государством. Стране были нужны рабочие – молодые здоровые люди, которые могли выполнять тяжелые работы и работать там, где не хотели трудиться многие немцы. Немецкие компании набирали рабочих в Греции, Италии, Турции, Югославии, Испании и Марокко. Среди этих людей были и мои родители.

Моя мама приехала в Западную Германию в девятнадцать

лет, одна, на поезде, битком набитом турками. Она работала в Хильдесхайме, неподалеку от границы с Восточной Германией, заворачивала и упаковывала радиоприемники и телевизоры для перевозки, а жила в доме, полном переселенцев, и делила комнату с тремя другими женщинами. Позже мама переехала во Франкфурт, чтобы жить поближе к одному из своих братьев, который там работал. У нее были длинные волосы, которые она не прикрывала шарфом, и ей нравилось носить юбки, открывающие ноги.

С отцом они познакомились в 1972 году через пожилого марокканца, который увидел, как мать накрывает столы в кафе в торговом центре во Франкфурте, и решил свести их с отцом. Папа тогда работал поваром в ресторане под названием *Dippegucker*, известном тем, что там была представлена кухня разных стран и франкфуртские фирменные блюда, такие как фирменный зеленый соус на основе сметаны и различных трав и подаваемый с вареными яйцами и картофелем. Все это было в новинку для моего отца, который учился готовить блюда французской кухни, более популярной в Марокко, но он так давно мечтал приехать в Европу. Со времени своего приезда в Германию год назад отец напряженно работал и стал полезным работником на кухне.

Маме он сразу понравился, но настроена она была скептически. Девушки, которых она знала, всегда говорили, что с марокканскими парнями надо быть осторожной, они хорошо выглядят, но непостоянные, если говорить о подлости,

то хуже их только алжирцы. Из любопытства мама пошла к ресторану и понаблюдала, действительно ли отец готовит на кухне, а не просто моет посуду, как она подозревала. Он был высоким и мускулистыми, с густыми, темными, вьющимися волосами. Папа выглядел очень впечатляюще в белоснежном поварском наряде и колпаке. Мама заметила, что он все время улыбается и говорит вежливо со всеми, а не только с ней. Они вместе выпили кофе, и он спросил, когда сможет встретиться с нею снова. На следующий день, когда мама пришла с работы, она обнаружила, что отец ждет ее с цветами и шоколадом.

– Если ты думаешь, что поднимешься ко мне наверх, то глубоко ошибаешься, – сказала она.

А потом пригласила его к себе, и они выпили еще кофе.

Роман развивался быстро, и уже через несколько недель они сочетались браком. Гражданская церемония прошла в здании муниципалитета Франкфурта. Шафером моего отца был его начальник, а в роли подружки невесты выступала соседка моей матери из Японии.

Мама быстро забеременела. Но для мусульман и арабов жизнь в Западной Германии резко изменилась во время Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене, когда группа из восьми палестинских террористов ворвалась в помещения израильской сборной, убила тренера и штангиста, а остальных девять спортсменов взяла в заложники. Боевики принадлежали к группировке под названием «Черный сен-

тябрь». Они грозили убить заложников, если Израиль не согласится освободить двести заключенных-арабов и гарантирует, что террористы, захватившие заложников, беспрепятственно покинут Западную Германию. Израиль, следуя своей давней линии поведения, отказался от переговоров. Немцы тем не менее пообещали отправить боевиков и их заложников самолетом в Тунис. В аэропорту немецкие снайперы открыли огонь по палестинцам. Но террористы были хорошо подготовлены: они убили заложников. Внезапное нападение кончилось катастрофой: все заложники, пять террористов и офицер полиции погибли.

Годы спустя выяснилось, что «Черный сентябрь» был ответвлением ФАТХ, движения Ясира Арафата в Организации освобождения Палестины. Но сразу после мюнхенского нападения мусульмане и арабы снова привлекли к себе пристальное внимание. Мои родители ощутили эти изменения, в особенности – отец. Полиция часто останавливала его и спрашивала документы. В домах, где жили арабские студенты, часто проходили обыски, потому что полиция подозревала, что они поддерживают группы боевиков или сами являются их членами. «Некоторые люди даже говорили, что арабы должны уехать», – рассказывал мне отец. Его это не раздражало, потому что случилась беда и немцы пытались понять, кто стоит за ней. Он понимал, почему они так подозрительны.

Давление продолжалось до конца семидесятых, вместе с

тем терроризм в Западной Германии становился обыденной реальностью. Такие группировки, как «Черный сентябрь» или банда Баадера и Майнхоф, называвшая себя «Фракцией Красной армии», вдохновлялись ненавистью к Израилю или тому, что они называли западным империализмом, но с точки зрения идеологии относились к левому крылу и не были религиозными. Во «Фракцию Красной армии» входили дети немецких интеллектуалов, они считали Западную Германию фашистским государством и сравнивали ее с нацистами. Это было не совсем неправильно: в то время некоторые значительные государственные посты в Западной Германии занимали люди, которые были связаны с фашистами. «Фракция Красной армии» устраивала ограбления банков, взрывы бомб, угоны самолетов, похищения и убийства. Группировка имела связи на Ближнем Востоке. В конце шестидесятых ее члены ездили в палестинский тренировочный лагерь в Ливане, чтобы научиться изготавливать бомбы и потренироваться в других навыках ведения войны. Некоторые из них принимали участие в операциях, проведенных совместно с Народным фронтом освобождения Палестины и другими группами. «Фракция Красной армии» похищала западногерманских политиков и лидеров в других областях, в том числе Ханса Мартина Шлеера, влиятельного бизнесмена и бывшего члена СС, которого они потом убили.

В 1973 году родилась моя старшая сестра Фатима. Годом спустя на свет появилась Ханнан. В 1977 году мать узнала,

что беременна в третий раз. Врачи советовали ей сделать аборт. Они считали, что я появлюсь на свет с врожденным дефектом – без ладоней или даже без рук. Мама потеряла рассудок от горя.

– Все в руках Божьих, – сказал ей отец. – Пусть ребенок появится на свет, и будь что будет. Мы с этим справимся.

В те дни некоторые турецкие иммигранты устраивали сцены в немецких больницах, когда у них рождались девочки. Они хотели сыновей.

Когда я родилась, врач выглядел так, как будто чувствовал свою вину.

– Прошу прощения, – сказал он, – но это девочка.

– С ней все в порядке? – спросила мама. – Руки и ноги на месте?

– С ней не просто все в порядке! – воскликнул врач. – Она только что на меня написала!

Поскольку, несмотря на все предсказания врачей, я родилась здоровой, родители назвали меня «Суад», что по-арабски означает «удачливая счастливица». И я во многих отношениях была очень удачливым ребенком. Клеттенбергштрассе, где мы жили, была одной из самых красивых улиц во Франкфурте. Владелец ресторана, где работал мой отец, снимал квартиру в доме номер восемь, и он нашел для нас квартиру в том же здании, на самом верху, вроде как на чердаке. В старом доме было шесть квартир. Большинство жителей нашего дома и домов по соседству принадлежали к бан-

ковским служащим, менеджерам или владельцам бизнеса. В квартире напротив нас жили стюардессы из Lufthansa. Мы были единственной семьей иностранных рабочих.

Хотя район был красивым, наша квартира была не такой уж хорошей. Крыша текла так сильно, что маме приходилось подставлять ведра, когда шел сильный дождь. И мать, и отец работали, и не только для того, чтобы прокормить нас. Они чувствовали себя ответственными за оставшиеся в Турции и Марокко семьи и каждый месяц посылали родителям деньги. За моими сестрами присматривала немка, и их каждый день отводили к ней на квартиру. Когда мамина младшая сестра приехала в Германию навестить ее и их братьев, она стала сидеть со мной днем.

Когда мне было восемь недель, родители узнали, что отец мамы очень серьезно болен. Они не могли позволить себе купить в последний момент билеты на самолет. Автобус был куда доступнее, но это означало, что поездка продлится как минимум четыре дня. Родители волновались, как я перенесу такое путешествие.

Антже Эрт и ее муж Роберт, которые жили в нашем же доме, предложили взять меня к себе на четыре недели, пока родители будут в отъезде. Мама и папа согласились, но настаивали на том, чтобы оплатить все расходы, связанные с моим содержанием. Но родителям пришлось задержаться, потому что здоровье бабушки ухудшилось. Телефонов у них не было. Супруги Эрт начали беспокоиться, как они будут

объяснять властям, откуда у них взялся этот ребенок.

После возвращения родителей Эрты стали для меня как крестная мать и отец. У супругов было двое собственных детей, и они были более доброжелательными и обладали более широкими взглядами, чем многие другие наши соседи. Роберт Эрт был менеджером в крупной немецкой компании. Позже мне рассказывали, что, приходя домой с работы, он играл со мной и кормил меня из бутылочки.

Семья обычно ела на кухне, и, когда я младенцем оставалась с ними, они пытались на время трапез оставлять меня в спальне. Но мне это не понравилось. Я хотела быть в центре событий. Я вопила, пока они не приходили и не забирали «мадам» в ее люльку. Люльку ставили на кухонную стойку, и я была рядом с ними, пока все ели.

На первом этаже жила еще одна супружеская пара, которая оказала на меня большое влияние. Руфь и Альфред Вейсс были жертвами Холокоста. Папа иногда приносил им хлеб из пекарни, а мама – печенье или приготовленные ею блюда.

– Многие из моих учителей были евреями, – говорил мне отец. – Я очень благодарен им за то, чему они меня научили.

Когда мне было несколько месяцев, мамина сестра, та самая, которая приехала в Германию и сидела со мной, решила вернуться в Турцию, чтобы помочь ухаживать за бабушкой. Родители решили отправить меня в Марокко и оставить с матерью отца. Там рядом со мной был бы человек, кото-

рый по-настоящему обо мне заботился. Также я могла бы научиться арабскому и начать изучать ислам.

Решение казалось правильным. Я все еще была на грудном вскармливании, и, поскольку мама не могла со мной остаться, моя марокканская бабушка нашла мне кормилицу – берберскую женщину, живущую по соседству. Возвращаясь в Германию, мама рыдала. Она знала, что ее не будет в моих первых воспоминаниях.

Мою марокканскую бабушку называли Рукайей в честь одной из дочерей пророка Мухаммеда. Бабушка и ее родные носили фамилию Садикки, они были известны как потомки Мулая Али аль-Шерифа, марокканского аристократа, чья семья прибыла с территории, где сейчас находится Саудовская Аравия. Мулай помог объединить Марокко в XVII веке, основав династию Алауитов, которая до сих пор находится у власти. Это была династия *шарифов*. Этот почетный титул могут носить только потомки внука Мухаммеда Хасана.

Бабушка родилась в богатой семье, живущей в области Тафилалет, в городе Эр-Рашидия, в начале двадцатого века. В те дни даты рождения не всегда четко фиксировались, но она помнила, как французы вошли в Марокко в 1912 году. Семье бабушки принадлежала земля, и она рассказывала мне о финиковых пальмах и о коровах, овцах, козах и лошадях, которых они держали. Ее родные считались принадлежащими к аристократии из-за своей связи с Пророком. К таким людям часто обращаются почтительно, используя слова «му-

лай» или «шариф» для мужчин и «шарифа» или «лалла» для женщин, но бабушка никогда не пользовалась этими официальными титулами.

Она рано вышла замуж, в тринадцать или четырнадцать лет став женой сына близкого друга своего отца, богатого мальчика с хорошим происхождением, который был старше ее примерно на год. Год спустя бабушка родила мальчика. В течение нескольких следующих лет у нее появились еще сын и дочь, но муж стал жестоким, бил ее и детей. Бабушка сказала родителям, что хочет развестись. Это обсудили в семье, но дружба и деловые связи между отцом и свекром оказались сильнее. «Терпи, – сказали ей в семье, – иногда такие вещи проходят». Бабушка терпеть не захотела. Она развелась с мужем и ушла, забрав с собой троих детей.

В те дни это был отчаянный шаг, и бабушка стала изгоем. Она была молодой женщиной, которой приходилось жить самостоятельно и которая не умела читать и писать. Ее никогда не учили работать, потому что она не должна была этого делать. Бабушка уехала в Мекнес, один из четырех имперских городов Марокко, где снова вышла замуж. О своем втором муже она никогда ничего не рассказывала, только коротко упоминала, что их союз был коротким: бабушка ушла от мужа, когда была беременна еще одним ребенком, девочкой, которую назвала Захра. Она снова осталась одна с детьми от двух разных мужчин. В те годы бабушка зарабатывала на жизнь как няня и повивальная бабка. Также она смешивала

и продавала лечебные масла.

Бабушка шла на риск, но она всегда помнила, кто она такая, и не забывала своих корней. Она говорила мне, что ее самыми главными примерами для подражания были жены Пророка. Его первая жена Хадиджа была успешной предпринимательницей, старше его по возрасту. Она поддерживала Мухаммеда финансово и морально, когда его собственное племя обратилось против него. Сунниты и шииты почитают ее как первого проповедника ислама, самую любимую жену Мухаммеда и его самого преданного соратника. Другая его жена, Аиша, славилась своим умом и потрясающим знанием сунн – традиционных записей слов и деяний Мухаммеда, которые для мусульман являются вторым по важности богословским источником после Корана. Сунниты чтят Аишу как один из источников вдохновения для Пророка, в то время как некоторые шииты оценивают ее более критически, подозревая, что она была неверна Пророку, и считая ее противостояние зятю Мухаммеда Али непростительным грехом. «Не думай, что женщина в исламе обязательно должна быть слабой», – говорила мне бабушка.

Человека, который стал моим дедушкой, она встретила в Мекнесе. Его звали Абделькадер, и он тоже происходил из состоятельной семьи. Но к тому времени, когда они встретились, тюрьма и пытки разрушили его тело, а состояние испарилось без следа.

Мой дедушка был родом из провинции Эль-Хауз, а ее

окраины, прилегающие к Марракешу, были известны как очаг одного из самых значительных движений сопротивления французам. В Эль-Хаузе и других частях Марокко евреи и мусульмане бок о бок сражались за независимость. Мой дедушка был вождем племени и лидером местного движения за независимость. Он разрабатывал стратегические планы и помогал переправлять оружие и другие припасы повстанцам, которые пытались выдворить французов из страны. Повстанцы называли свою борьбу джихадом, но у дедушки и его друзей были строгие правила: их действия могли быть направлены только против французских солдат и всем известных мучителей, работавших на французов. Они никогда не трогали женщин и детей.

Однажды в конце сороковых годов французы арестовали дедушку и потребовали выдать имена людей, живущих на его земле и принадлежащих к сопротивлению. «За это ты получишь еще больше земли и привилегий, – сказал ему следователь-француз. – А если ты не будешь с нами работать, мы бросим тебя в тюрьму и отнимем твои земли».

Дедушка верил в дело повстанцев. Он верил, что, даже если французы отнимут его собственность, в один прекрасный день страна получит независимость и все земли вернутся к нему обратно. Его бросили в тюрьму, где жестоко избивали. Дедушку и других заключенных раздевали догола, ставили скрюченными в неудобное положение, мочились на них, обливали их ледяной водой или кипятком, некоторых

насиловали с помощью бутылок. Французы конфисковали его оливковые, миндальные и апельсиновые рощи, его лошадей. Большую часть его собственности раздали коллаборационистам.

Дедушка провел в тюрьме несколько месяцев. После освобождения французы запретили ему возвращаться в свои земли. Он потерял все, кроме гордости и надежды. Дедушка поехал в Мекнес, где нашел работу рабочим на строительстве. Этого дела он не знал, но хотел выжить. Мекнес быстро рос, и людям были нужны дома.

Этот человек, которому когда-то принадлежало много акров земли и стада лошадей, решил поселиться в Сиди Масуд, запущенном районе, похожем на трущобы. Сиди Масуд стал домом для тех марокканцев, которые приезжали в город по разным причинам из разных районов страны. Они наспех сооружали бедные хижины из дерева, кровельного железа и всего остального, что только могли найти или купить по дешевке.

Однажды в Сиди Масуд переехала со своими детьми женщина благородного происхождения. Один из друзей Абделькадера, который знал, что в прошлом дедушка был вождем племени, со смехом сказал ему, что теперь его статус в районе пошатнется, потому что появилась настоящая шарифа.

Абделькадер знал, что у женщины есть дети, поэтому он зашел поприветствовать ее и принес сладости. Сразу начав подозревать о его намерениях, она сказала, что ей не нуж-

ны ни сладости, ни другие подарки. Дедушка был впечатлен. Через несколько недель он сделал предложение. Абделькаде-ру было лет двадцать пять, он был младше бабушки, и, хотя по-прежнему был привержен идее независимости Марокко, тюрьма и пытки ослабили и напугали его. Когда ребенком я спрашивала его об отметинах на его руках, он говорил, что это следы от сигарет, которые французы тушили об его кожу. На спине у него остались шрамы от хлыста. Думаю, дедушка женился на бабушке отчасти из-за ее силы, а отчасти потому, что она была знахаркой. Он взял на себя обеспечение ее и ее детей, даже усыновил младшую дочь, которая родилась без отца и в чьем свидетельстве о рождении значилось только имя матери.

В 1950 году, менее чем через год после женитьбы, бабушка родила моего папу, своего самого младшего и самого любимого ребенка. Семья жила в маленькой убогой хижине, построенной из дерева и железа. Стены были грубо сколочены гвоздями, сквозь щели в них можно было видеть небо. В жилище были две крошечные комнаты, не было водопровода и кухни. Туалет представлял собой отгороженный угол с дырой в полу и баком с водой для мытья.

– У нас была только одна колонка с питьевой водой, – рассказывал отец. – До нее нужно было идти два километра, а на обратном пути еще нести полные ведра воды.

Французы по-прежнему иногда вызывали к себе дедушку или навещали в его дом, чтобы взять под арест. Они го-

ворили, что он по-прежнему может вернуть себе свои земли, если только будет с ними сотрудничать. Но дедушка отказался. Он боялся за свою семью, особенно того, что французы арестуют и бабушку, чтобы причинить ему еще более сильную боль. Ходили слухи, что французы и те, кто работает на них, насилуют женщин. Папа помнил, что у дедушки был пистолет, который он тайно хранил в доме. Однажды, когда папе было четыре или пять лет, его родители поссорились, и бабушка пригрозила, что сообщит французам об этом пистолете.

– Они тебя заберут в тюрьму, и я от тебя избавлюсь! – выкрикнула она, и это было шуткой только наполовину.

Дедушка не хотел возвращаться в тюрьму. Он отнес пистолет в мечеть и выбросил его в отхожее место.

И дедушка, и бабушка играли активную роль в Сопротивлении. Они занимались тем, что подталкивали соседей к участию в маршах протеста против французов. В 1956 году Марокко наконец получило независимость, но дедушка так и не вернул свои земли. Взамен местный мэр предложил ему два килограмма сахара. Бабушка и дедушка отказались принять этот дар. Оба были глубоко разочарованы, и у дедушки началась депрессия.

Когда папе исполнилось семь лет, его родители развелись. Дедушка Абделькадер переехал в другую часть Мекнеса, а бабушка и дети снова стали жить сами по себе.

– Она вставала рано утром, молилась, готовила нам зав-

трак, будила старшую сестру, чтобы она следила за нами, а потом уходила, чтобы вернуться только когда стемнеет, — вспоминал отец.

У них была примитивная газовая плита, на которой они готовили еду. Еще можно было запекать овощи на горячих углях. У семьи был маленький радиоприемник, который работал только тогда, когда у бабушки хватало денег, чтобы купить батарейки. Дом освещали свечами или масляными лампами.

К тому времени, когда меня отправили в Марокко к бабушке, она уже выбралась из трущоб. Работая во Франкфурте, папа зарабатывал достаточно, чтобы не только содержать нас, но и чтобы посылать своей матери деньги, на которые она купила в центре Мекнеса домик с тремя комнатами, кухней и ванной с традиционным напольным унитазом и душем на стене.

Дедушка по-прежнему приходил к бабушке и рассказывал мне истории о том, как они боролись с французскими колониялистами. Он часто говорил мне, что самой большой властью обладают те люди, которые умеют читать и писать, потому что они могут объяснить, что происходит в мире, и записать историю. Он боялся, что люди услышат только версию французов и что истории таких людей, как он, будут забыты.

В трех домах от бабушки жила еврейская семья. Мать семейства часто приходила к нам по пятницам и приносила до-

машинный хлеб, который, по ее словам, пекла специально для этого дня. Теперь я знаю, что это была хала, приготовленная специально для еврейского шабата. В качестве ответной любезности бабушка приносила полные блюда кускуса или печенья. Их дочка Мириам стала моей подружкой. Она была на два года старше меня и бегло говорила по-французски. Мы называли ее «Мерьем» – марокканским вариантом имени. Еще до того, как мне исполнилось четыре года, Мириам и ее семья уехали во Францию.

У бабушки были глубокие черные глаза и седые волосы, которые она иногда красила хной. Ростом она была примерно пять футов и шесть дюймов, у нее были очень сильные руки и крепкое мускулистое тело – результат тяжелого физического труда и использования лечебных масел, которые она готовила, а потом втирала в кожу. Иногда на бабушку нападал непреодолимый смех, легко передающийся всем вокруг.

Бабушка жила в городе, но ее дом выглядел так, как будто был фермой. У нее не было земли, о которой стоило бы упоминать, но она держала цыплят, кроликов и голубей на клочке открытой земли между гостиной и кухней. Бабушка не доверяла местным мясникам, поэтому резала своих цыплят, и у нас всегда были свежие яйца. Еще она кормила пару живущих по соседству кошек. Бабушка всегда говорила, что пророк Мухаммед заботился о кошках, поэтому мы должны хорошо к ним относиться. Она никогда не позволяла, чтобы нищий ушел из ее дома, не получив какой-нибудь еды,

и часто все заканчивалось тем, что я садилась рядом с ним на крыльце и разговаривала, спрашивая, почему он беден, и задавая другие бесцеремонные вопросы. Бабушку это всегда смущало. «Почему ты не даешь человеку поесть?» – говорила она. Но я была любопытной. Она не просто кормила нищих и отправляла их восвояси. У нее всегда находилось, что им сказать, какое-то доброе слово, которое давало им надежду. «Сейчас у тебя тяжелые времена, но Аллах велик, и все у тебя наладится», – говорила она. И в знак уважения они называли ее «хаджа», титулом, который обычно используется для людей, совершивших хадж, ежегодное паломничество в Мекку, где моя бабушка никогда не бывала.

Хотя она родилась в хороших условиях, у бабушки была естественная склонность к экономному ведению дома. То, что у нас были свои цыплята, означало, что мы не будем голодать, даже если с деньгами возникнут проблемы. Бабушка их готовила, использовала яйца для выпечки и даже дарила яйца и цыплят соседям. Голуби были обучены разносить письма – весьма выгодный бизнес. Иногда бабушка ходила на ферму доить коров. (Когда она брала меня с собой, я таскала их за хвосты.) Еще она по-прежнему работала няней и повитухой и делала лечебные масла.

Монеты, которые она называла «маленькими деньгами», бабушка складывала в платок, который прятала в своем длинном традиционном марокканском платье. «Большие деньги» – купюры – она складывала в лифчик. «Никогда не

держи все свои деньги в одном месте, – говорила она. – Надо прятать их так, чтобы сыновья греха не догадались, сколько денег у тебя есть». «Сыновьями греха» бабушка называла всех, кто ведет себя плохо, начиная от соседа-дебошира и заканчивая преступниками. В свое время я думала, что ее трюк с лифчиком смешон, но позже я повторила его. В опасных ситуациях, куда порой попадают репортеры, лифчик оказался надежным местом, где можно спрятать деньги и карты памяти. В мусульманских странах обычно находится немного людей, которые решатся проверить его.

Бабушка была суровой, но чрезвычайно привлекательной. Заходя к ней, дедушка всегда спрашивал: «А почему бы нам снова не пожениться?» Но бабушка не позволяла людям вертеться без дела вокруг нее. Этим она отличалась от других женщин. Она не боялась рисковать, и этому я научилась от нее.

Бабушка объяснила мне, если человек делает что-то неправильно, то не важно, какое положение он занимает, надо сказать ему об этом. Помню, как однажды мы ехали через Мекнес в переполненном автобусе, и многие молодые люди сидели, тогда как нам приходилось стоять. «Кто из вас встанет и освободит место для пожилой женщины и ребенка?» – спросила бабушка. Никто не обратил внимания, и бабушка начала злиться. «Вы сыновья греха! – завопила она. – Вам должно быть стыдно! В Германии все давно бы встали и уступили место старой женщине и ребенку!» Водитель автобуса

смеялся и советовал ей не обращать внимания, но в конце концов одному из мужчин стало так стыдно, что он уступил бабушке место.

В то время политическая ситуация в Марокко была нестабильной. У любого, кто критиковал полицию или правительство, могли начаться проблемы. Но мою бабушку это не заботило. Однажды полицейский, увидев, как она выходит из банка, попросил у нее «пожертвование». Бабушка спросила, какую благотворительную организацию сейчас поддерживает полиция. Когда коп дал понять, что деньги предназначены для него, бабушка начала стыдить его. Как ему не стыдно не просто брать взятки, но еще и обирать бедную старую женщину, которая должна кормить свою внучку? «Почему ты не попросишь о частном пожертвовании этих мужчин в галстуках? – спросила она. – Потому что ты не осмеливаешься. Вместо этого ты берешь деньги у самых слабых». Полисмен пытался заставить ее замолчать, но бабушка кричала все громче, так что все люди вокруг нас слышали, что она говорит. И это сработало: в итоге он ушел, так ничего и не получив.

Я никогда не забуду, как бабушка заступалась за меня. Она не умела читать, но знала наизусть почти весь Коран. Когда мне было почти четыре года, бабушка решила, что мне пора научиться читать святую книгу, и несколько раз в неделю по утрам отправляла меня в школу по изучению Корана. Вместе с другими детьми мы, сидя на полу, читали и заучи-

вали наизусть суры, а по пятницам я рассказывала бабушке все, что выучила. Наш учитель, которого называли фких, читал строки вслух, а мы повторяли за ним, следя по тексту. Учитель был суровым молодым человеком, и когда ученик делал что-нибудь, что ему не нравилось, бил ребенка по рукам железной линейкой.

Бабушка очень защищала меня. Она серьезно воспринимала ответственность, которую возложили на нее мои родители, доверив ей грудного ребенка. Когда я начала ходить в школу изучения Корана, она поговорила с учителем Зи Абдуллой. «Не смей даже пальцем тронуть эту девочку! – сказала она. – Никогда ее не бей!» Но однажды Зи Абдулла поймал меня на том, что я болтаю с другим ребенком, и линейка пошла в ход. Он сказал мне вытянуть руки ладонями вверх и ударил по ним линейкой. Потом велел перевернуть ладони, и железо обрушилось прямо на костяшки пальцев. Я завопила от боли, расплакалась, выбежала из класса и бросилась по улице к дому бабушки.

Плача, я рассказала ей, что Зи Абдулла побил меня. Увидев следы на моих руках, бабушка пришла в ярость. Она схватила меня и потащила обратно в школу. Мы ворвались в классную комнату, бабушка сорвала с ноги кожаную сандалию и начала при всех лупить Зи Абдуллу, крича, что никому не позволит тронуть свою внучку. «Зачем ты ее бил?! – вопила она. Я все еще плакала, но остальные дети смеялись, глядя, как Зи Абдулла ежится и пытается уклониться от ее

ударов.

Бабушка так воодушевляла меня, что я переняла ее страсть к спорам и горячо спорила с ней. Однажды, когда у нас в гостях был друг отца по имени Махмуд, она приготовила для меня одно из обычных для меня блюд: двух- или трехдневный хлеб, размоченный в теплом молоке с медом и корицей.

– Я не хочу это снова есть, – сказала я. – Я это и так ем через день.

– Ты будешь есть то, что я даю, – ответила бабушка.

– Так почему ты всегда даешь мне этот хлеб с молоком? Родители присылают достаточно денег, чтобы мы могли позволить себе другую еду.

– Ты должна возблагодарить Аллаха за то, что у тебя есть хоть какая-то еда, маленький дьяволенок, – сказала она. – Вокруг так много бедных людей, которые были бы рады любой пище.

Бабушка и Махмуд были потрясены силой и точностью моих аргументов, если учесть, что мне было всего четыре года. Махмуд разразился смехом, услышав мой ответ:

– Ну, бабушка, если ты так переживаешь о бедных людях, у которых нет еды, почему тебе не пригласить их к нам и не отдать им это?

Бабушка очень ценила чистоту. У нас был душ, под которым мы мылись каждый день, но дважды в неделю она тащила меня в хаммам. Я ненавидела эти бани, где было тем-

но и жарко, пахло мылом на оливковом масле, раздавались громкие голоса голых женщин, которые для меня звучали так, как будто они вопят. Работающие там женщины мыли меня горячей водой и мылом, чуть заживо не обдирая кожу. Бабушка говорила мне закрыть глаза и стоять тихо, но ощущалось это как пытка.

Летом в Мекнесе было очень жарко. В воздухе пахло пустыней. Когда шел дождь – а это случалось нечасто, – все открывали двери, чтобы капли летели в дома. Я танцевала под дождем, а бабушка кричала, чтобы я шла домой, пока не простудилась. «Но если дождик меня вымоет, то нам на этой неделе не надо будет идти в хаммам», – отвечала я ей.

Мама с папой понимали, что бабушка была бы счастлива, если бы меня оставили в Марокко, но через три года все-таки решили забрать меня в Германию. Для бабушки, которая надеялась, что я останусь с ней, это стало ударом.

Когда она говорила с моими родителями, я впервые увидела ее плачущей. Но она тоже понимала, что для меня пришло время снова жить вместе со своими родителями и сестрами.

Через три месяца отец приехал, чтобы забрать меня в Германию. Я до сих пор помню, как обнимала бабушку и дедушку, и все мы плакали. Они просили не забывать меня о том, откуда я. «Я поучусь там в школе и вернусь к вам, – говорила я им. – Обещаю, я никогда не забуду, кто мы такие. Никогда».

Вернувшись во Франкфурт, я познакомилась со своими сестрами. Стоял декабрь, и я впервые в жизни увидела снег. Я узнала, что самая старшая сестра, Фатима, которой было девять лет, страдала от поражения мозга из-за осложнений во время родов. Ей нужно было много дополнительной заботы, и она ходила в специальное учебное заведение. Ханнан была всего на год младше Фатимы, и мы быстро подружились.

Я очень скучала по бабушке и дедушке, и мне потребовалось время, чтобы привыкнуть к родителям. Мама говорила по-арабски, но я с трудом понимала ее, когда она говорила не на дариже (марокканском диалекте), который мама знала, но говорила на нем с забавным акцентом. А еще был странный язык, на котором говорили все вокруг. Я ни слова не понимала по-немецки.

Однажды вечером я увидела, как Фатима и Ханнан чистят по одному своему ботинку и ставят их за порог нашей спальни. Они сказали мне, что я должна сделать то же самое, потому что придет «Николас». Я понятия не имела, о чем они говорят, и спросила, не друг ли это наших родителей. Я не знала, что в Германии в начале декабря, за несколько недель до Рождества, отмечают День святого Николаса. Девочки сказали мне, что Николай принесет шоколад, и если ботинок будет хорошо начищен, конфет будет больше.

Я тоже начала чистить свои ботинки, решив, что, если я начишу оба, Николай положит конфеты в каждый из них. Ко-

гда родители отправили нас спать, я все думала о Николасе, который придет с шоколадом. Я слышала какой-то шум, а потом – как родители гасят свет.

Я выбралась из постели, осторожно открыла дверь и посмотрела на свои ботинки. Один был пустым, а другой – полон шоколада и печенья. Я не могла поверить своим глазам: незнакомец в один вечер принес столько шоколада, сколько я не съела за почти три года в Марокко. В темноте я ела шоколад и печенье, пока ботинок почти не опустел. Тогда я подумала о своих сестрах. Я решила, что будет несправедливо, если они увидят, что их ботинки полны, а мой пуст, и они будут плохо обо мне думать. Поэтому я взяла шоколадки и печенье из каждого ботинка и переложила в свой.

На следующее утро, когда все встали и увидели, что Николас нам принес, мои сестры стали спрашивать, почему ботинки не полны доверху.

– Радуйтесь, что он вообще пришел, – сказала я. – Пока я была в Марокко, он все время обо мне забывал.

Родители рассмеялись.

– Лучше иди и умойся, а то у тебя весь рот в шоколаде, – сказала мама.

То, как мы каждый год соблюдали традицию с приходом святого Николаса, было одним из способов, с помощью которых родители пытались помочь нам вписаться в жизнь в Германии. Мама работала в церкви, и я ходила в христианский детский сад, а потом – в группу продленного дня в том

же здании. Родители говорили нам, что у трех мировых монотеистических религий есть много общего. Были Адам и Ева, которых изгнали из рая, и эта история рассказывается не только в иудаизме и христианстве, но нашла отражение и в Коране, и в исламской традиции. Был Авраам, «родоначальник всех верящих», который упоминается в Коране, в Торе и в Библии. Был Иисус, который был пророком ислама, но почитается и христианами, поскольку они верят, что он был сыном Божиим. Был Моисей, пророк евреев, христиан и мусульман. Все три вероисповедания разделяют традиции поста, веру в единого Бога и важность священных писаний. Родителя объясняли, что как мусульмане мы чтим всех пророков, главное отличие состоит в том, что мы считаем Мухаммеда последним пророком Господа.

Наряду с мусульманскими праздниками мы праздновали Рождество. У нас была пластиковая елка, электрические лампочки – родители слишком боялись огня, чтобы поставить настоящую елку и украсить ее свечами, – и красиво завернутые подарки. Нас водили на рождественскую ярмарку, где мы катались на каруселях и ели традиционное печенье в форме сердца, жареные каштаны, которые очень любила мама, и соленый и сладкий попкорн. Потом мы обедали в «Макдоналдсе», «Бургер Кинге» или «Северном море», где заказывали рыбу с картошкой.

Мама работала в прачечной в церковной общине, где стирали белье для монашек. Монашка заведовала и моим дет-

ским садом, где среди воспитателей была злобная дама, которая читала нам сказки. «Видишь, у всех красавиц-принцесс были светлые волосы, а все злодейки были темноволосыми», – говорила она мне. Я была единственной темноволосой девочкой в классе, поэтому такие слова действительно меня задевали. «А разве у Белоснежки волосы были не черными?» – спрашивала я. Но мои аргументы мало что значили для учительницы, которая не упускала шанса шлепнуть меня, когда никто не видел, пока Ханнан не поймала ее за этим занятием и не велела ей прекратить.

В церковной прачечной и гладильне мама работала вместе с монашкой, которую звали сестрой Хельмой, и с двумя женщинами из Югославии, которых мы называли тетя Зо-ра и тетя Дшука. Они стирали и гладили одеяния монахинь и их белоснежные головные уборы. Место, где они работали, мы называли «стиральная кухня». Там стояло несколько стиральных машин, в том числе одна для простыней, а другая для головных уборов, а также была большая сушилка. У каждой женщины был гладильный столик. У мамы утюг был таким тяжелым, что она надорвала спину, которая много лет спустя все еще болит. В перерыв они пили кофе и ели хлеб или бореk, выпечку с козым сыром, которую готовила одна из югославок. Покрывала, которыми монашки накрывали головы, напоминали мне платки, которые носили пожилые женщины в Марокко, в том числе и моя бабушка.

Детскую площадку садика было видно из окна комнаты,

где мама гладила. Я поднимала голову от игр, чтобы помахать и подмигнуть ей, а она выходила и приносила мне что-нибудь съесть или выпить. Муж тети Зоры был садовником в той же церкви. Он всегда был пьяным, но добрым. Каждый раз, когда мы с сестрами видели его пьющим пиво у палатки через дорогу, он просил нас не говорить его жене и покупал нам мороженое.

В ресторане с папой работали несколько немцев, индеец, которого мы называли дядя Багги, дядя Латиф из Пакистана и гомосексуалист из Шотландии по имени Том, которого мы звали дядя Томми и которого иногда забирал с работы его друг. Все мужчины носили узкие брюки и облегающие рубашки и слушали рок-музыку. Они стали друзьями моего отца. Они приходили к нам на обед или на ужин, Латиф или Томми приносили пиво, и через какое-то время все становились веселыми. Помню, что дядя Томми иногда оставался ночевать у нас в комнате для гостей, если работал допоздна и опаздывал на поезд.

Для Вилли Бергера, босса отца, Латиф был мастером на все руки, он работал с электричеством и выполнял любой ремонт и в ресторане, и в доме герра Бергера, а когда было нужно, чинил сломанное и у нас в квартире. В середине восьмидесятых Латиф поехал навестить свою семью в Пакистан. Вернулся он уже другим человеком.

Вскоре после того, как он вернулся в Германию, папа попросил Латифа зайти к нам, потому что у нас в квартире не

горел свет. Открыв дверь, я увидела, что Латиф, носивший узкие джинсы и расстегнутые на груди рубахи, был одет в широкие белые брюки и традиционную тунику. С того времени, как я видела его в последний раз, волосы у него отросли, а еще он теперь носил длинную бороду.

Раньше он всегда пожимал маме руку, но теперь не хотел касаться ее или смотреть на нее. Он начал разбираться в проблеме со светом. Когда папа вернулся из продуктового магазина, по его глазам я заметила, что он удивлен.

Мама приготовила кофе и пирог. Она сказала папе: ей кажется, что Латиф больше не чувствует себя удобно в ее присутствии. Но мы с сестрами присоединились к отцу и его старому другу. Латиф смотрел только на отца и говорил исключительно с ним. Мне было тогда лет семь, но помню, что слышала, как он говорит о том, что нам – маме и девочкам – нужно носить хиджаб (шарф на голове) и что папа должен подумать о «джихаде, который мусульмане ведут в Афганистане». Также он сказал, что отец должен перестать дружить с дядей Томми, потому что он гей.

Позже нам стало известно, что Латиф связался с пакистанскими группировками, которые поддерживали войну против Советского Союза. В конце концов, он стал частью движения моджахедов, хотя конкретные детали мы так и не узнали. Тогда как арабский термин «моджахед» называет человека, осуществляющего джихад, обычно это слово используется для описания разобщенного движения исламистов в

Афганистане против Советского Союза. Когда я спросила отца, с какими группировками был связан Латиф, папа ответил, что никогда не спрашивал, потому что не хотел знать ответ.

Бесцеремонность Латифа привела отца в ярость. Он сказал старому другу, что у того нет никакого права приходить в чужой дом и рассказывать хозяину, что такое ислам, указывать ему, как должны одеваться его жена и дочери или с кем ему дружить.

Мама услышала, что отец повысил голос, и пошла убедиться, все ли в порядке.

– Томми – наш друг, и если он тебе не нравится, можешь сам не ходить сюда! – услышала я слова отца.

Латиф собрал свои вещи и ушел.

Через несколько недель папа пришел домой и сказал, что видел Латифа в центре города с другими бородатыми мужчинами. Они поставили под тентом стулья и стол и разложили там книги, пытаясь обратить людей в свой вариант ислама и рассказать им о войне в Афганистане. Они говорили с иммигрантами, но обращались и к немцам, у многих из которых остался горький осадок после разделения Германии и которые ненавидели Советы.

– Там были люди из Алжира, Марокко, Пакистана. Все они призывали поддержать «джихад» в Афганистане, – рассказывал отец.

Он велел маме больше никогда не пускать Латифа в дом.

– Я не хочу, чтобы у тебя или у наших дочерей было что-то общее с такими людьми.

Примерно в то же время в Европе происходило кое-что еще. В Великобритании, во Франции, в Германии люди, вернувшиеся с войны в Афганистане, начали внушать другим иммигрантам-мусульманам, что их долг – это защищать угнетенных мусульман по всему миру. В то время этих людей никто не воспринимал как угрозу. Западная Европа гордилась свободой мысли и ее выражения, кроме того, эти бывшие боевики в какой-то мере были даже союзниками: они помогали бороться с Советами. Политические лидеры и не подозревали, что люди, сражавшиеся против Советского Союза, в один прекрасный день повернутся против них и их союзников на Ближнем Востоке. Они не понимали, что тихая война, идущая между светскими индивидуалистическими идеалами и радикальной религиозной идеологией, соединилась с желанием восстать и бороться с несправедливостью.

В нашей семье родители хотели, чтобы мы как можно лучше вошли в немецкое общество, но в то же время не забыли нашу собственную культуру. Два раза в неделю мы ходили в арабскую школу с марокканским учителем. Школу организовало и финансировало консульство Марокко. Но большую часть времени после занятий мы играли с нашими одноклассниками из немецкой школы. В отличие от некоторых мусульманских девочек, живущих в Европе, которые не учатся плавать и не участвуют в спортивных состязаниях, мы

занимались спортом. Шесть или семь лет я играла в хоккей на траве, и родители очень поощряли это занятие. Одна из моих сестер даже некоторое время состояла в молодежной церковной группе.

Тем не менее, некоторые родители, живущие по соседству, не разрешали своим детям играть с нами. Частично это было потому, что мои родители были «синими воротничками», принадлежали к рабочему классу. Были также и другие, те, кто смеялся над моей старшей сестрой-инвалидом. Третьи же говорили, что мы принадлежим к отсталой культуре.

Не раз родители соседских детей разговаривали с учительницей начальной школы у моей сестры Ханнан и просили перевести ее из класса, потому что она «не вписывается». Часто детей иммигрантов оставляли на второй год, иногда из-за того, что у них были проблемы с письмом по-немецки, но также и из-за расизма. Иногда после четырех лет начальной школы их отправляли в реальные или основные школы с облегченной программой для детей, которые не собираются поступать в университет. Даже несмотря на то, что мы с сестрами бегло говорили по-немецки, учительница Ханнан под влиянием некоторых родителей решила отправить сестру в реальную школу. К счастью, там она показала себя так хорошо, что через год ее перевели в гимназию. Мне повезло с моей учительницей фрау Шуман. Когда мне было одиннадцать лет, она поддержала мою надежду отправиться прямо в гимназию.

В том, что я так хорошо говорила по-немецки, была немалая заслуга наших соседей – семьи Эрт. Антже приглядывала за тем, как я успеваю в школе, и была всегда очень придиричива, особенно – к письму. Она хотела научить меня самому лучшему варианту немецкого. Когда я была маленькой, она читала со мной и часто отдавала нам с сестрами книги сказок и кассеты с историями о Микки-Маусе, из которых уже выросли ее дети. Мы были вне себя от радости. Наши родители никак не могли себе позволить покупать нам так много книг и кассет.

Примерно в то время, когда я начала учиться в гимназии в 1989 году, я стала замечать изменения в том, как вели себя югославы, в том числе тетя Зора и тетя Дшука, которые работали вместе с мамой в церкви. Их дети, как и я, ходили в группу продленного дня. Мы все очень дружили между собой, особенно из-за того, что наши мамы занимались неквалифицированным трудом, и это отделяло нас от немецких детей, чьи родители чаще всего имели высшее образование. Югославских детей звали примерно так: Лейка, Зоран, Ивика и Иван. Они всегда с гордостью говорили, что приехали из Югославии. Неожиданно они отказались играть вместе и, вместо того чтобы гордиться своим югославским происхождением, начали говорить: «Я хорват», «Я серб». Другие называли себя «боснийцами» или «мусульманами». Их матери перестали шутить друг с другом и больше не пили вместе кофе с бореком в комнате отдыха.

Хотя мы четко видели разделение между югославами у мамы на работе, родители попросили нас не обобщать. Тетя Зора и тетя Дшука были из Сербии. Они и их семьи по-прежнему приходили к нам обедать. Как и мы, они были в ужасе от того, что слышали и видели в новостях. Они всегда говорили, что в их стране раскол не мог пойти изнутри. «Мы всегда были единым народом, – говорила нам тетя Зора. – Мы никогда не спрашивали, серб перед нами, словенец, хорват или мусульманин». Она считала, что эта война был западным заговором, чтобы ослабить социалистическую Югославию.

Мы слышали о бойнях в новостях, иногда в школе говорили, что чей-то дядя погиб, сражаясь в бывшей Югославии. Но все это было далеко от меня и моей семьи. Мы часто чувствовали себя в Германии аутсайдерами, но напрямую нам никто не угрожал до сентября 1991 года. Почти через два года после падения Берлинской стены в городе Хойерсверда на северо-востоке Саксонии начались ксенофобские мятежи. Группировки правого толка нападали на рабочих из Вьетнама и Мозамбика и бросали камни и бензиновые бомбы в окна многоквартирного дома, где жили люди, ожидающие статуса беженца.

Мы с родителями смотрели по телевизору, как немцы аплодировали, когда здание охватили языки пламени. Некоторые даже выбрасывали руки в печально известном нацистском приветствии и вопили: «Германия для немцев! Ино-

странцы, убирайтесь обратно!»

Родители сказали, что мы не должны беспокоиться, потому что это случилось на территории бывшей Восточной Германии, а на Западе люди никогда такого не сделают. «Здесь люди знают, что без таких, как мы, их экономика никогда не расцвела бы так, как сейчас», – говорил отец.

В то время я очень злилась на своих родителей, особенно на отца. В то время как моя марокканская бабушка обладала очень сильной волей и никогда никому не позволяла собой помыкать, я видела, что папа делает все, что говорят его начальники или другие немцы. Как шеф-повар он работал подолгу, и мы редко его видели. Но очень часто и в выходной звонили его непосредственные руководители, просили прийти на работу, и папа немедленно шел. Нисколько не улучшало ситуацию то, что мы жили над квартирой владельца ресторана герра Бергера, который всегда знал, дома ли отец. Когда мы обращались к немецким властям, чтобы обновить свои виды на жительство, я заметила, что папа никогда не задает вопросов и не возражает, даже когда люди, сидящие по ту сторону стола, ведут себя мерзко.

Живущая в нашем доме фрау Вейсс, пережившая вместе с мужем Холокост, пригласила меня выпить у нее в квартире какао в ту самую неделю, когда в новостях только и говорили о восстаниях. Они с мужем рассказывали мне о концентрационных лагерях и о том, как умерли члены их семьи. Старая дама выглядела расстроенной, лицо ее было бледным. Она

сказала, что не может спать уже несколько дней. Картины из Хойерсверды преследовали ее. «Детка, пожалуйста, береги себя и своих родных. Я волнуюсь за вас, – сказала она. – Эти люди, их мысли отвратительны и опасны».

Я попросила ее не беспокоиться и сказала, что все это случилось в Восточной Германии и никогда не доберется до Франкфурта, но фрау Вейсс покачала головой. «Нет-нет, ты не понимаешь, – сказала она. – Если бы немцы чему-то научились, то того, что случилось в Хойерсверде, вообще бы не было».

Год спустя, в ноябре 1992-го, все аргументы моих родителей пошли прахом: члены правой банды подожгли два дома, где жили семьи из Турции, в городе Мельн, в Западной Германии. Погибла пожилая женщина и две девочки, семь человек получили ранения. Напавшие сами позвонили в пожарную команду и сообщили о своем нападении, закончив звонок словами «Хайль Гитлер!».

Больше всего об этом ужасном нападении говорили евреи. Тогда как немецкие политики предпочли отойти в сторону, глава центрального совета евреев Германии Игнац Бубис и его заместитель Мишель Фридман отдали дань памяти жертвам и их семьям.

29 мая 1993 года сгорел дом еще одного турецкого рабочего Дурмуса Генка. Это произошло в городе Золинген, расположенном на территории Западной Германии. Погибли две дочери и две внучки Генка, от четырех до двадцати семи лет,

а также их гостья из Турции двадцати одного года. И снова члены еврейских организаций говорили громче всех.

Тем летом мы с родителями поехали на каникулах в Марокко. К тому времени детей в нашей семье было уже четверо: в 1986 году родился брат Хишам. Мы летели на самолете до Касабланки, потом ехали на машине до Мекнеса и провели три или четыре недели в доме бабушки, постоянно встречаясь с родными и друзьями.

Сводная сестра моего отца Захра тоже жила в Мекнесе, примерно в десяти минутах ходьбы от дома бабушки. Она была замужем, у нее было семеро детей, и однажды мы с Ханнан отправились к ним в гости. К одному из сыновей Захры, которому было около девятнадцати лет, пришли друзья. Все они смотрели телевизор.

Я увидела горную местность и машины, в которых сидели бородатые мужчины с оружием. Они повторяли фразу «Аллах акбар», что означает «Господь велик». На экране показали рыдающих и вопящих женщин. Диктор сказал, что этих женщин изнасиловали, а их семьи погибли от рук сербов. Мой двоюродный брат и его друзья выглядели разозленными. В следующем кадре показали длиннородых мужчин, стоявших позади двух мужчин, опустившихся на колени. Один из бородатых произнес фразу на языке, который я не понимала. Другой голос, принадлежащий, очевидно, человеку, держащему камеру, сказал: «Аллах акбар». Следующее, что я увидела, – бородатый держал в руке голову сто-

явшего на коленях мужчины. Двоюродный брат и его друзья зааплодировали.

– Что это за кино вы смотрите? – спросила сестра.

Брат и его друзья уставились на нее.

– Это не кино, – сказали они.

– Это правда о том, что происходит в Боснии, – объяснил один из друзей брата. – Здесь рассказывают, как моджахеды в Боснии сражаются против сербов, убивающих мусульман.

Помолчав, он продолжил:

– Все сербы должны умереть. Они насилуют наших сестер и убивают наших братьев.

Мы с Ханнан сказали, что не все сербы плохие и что с мамой вместе работают две очень хорошие сербские женщины.

– Вы не можете дружить с этими людьми, – сказал друг брата. – Вы еще увидите! Скоро они начнут убивать мусульман во всей Европе. Без моджахедов вас всех перережут.

Сестра по-немецки сказала мне не слушать его и что мы скоро должны уходить.

– Как, ты обо всем этом ничего не знаешь? – удивился брат. – Эти видео приходят к нам из Германии. Их снимает немец египетского происхождения.

Этого человека звали Реда Сейям, и его видеозаписи из Боснии были одними из первых примеров пропаганды джихадистов, которая сегодня превратилась в использование насилия для того, чтобы вербовать новых людей. Многие джихадисты моего поколения позже говорили о Боснии и осо-

бенно о резне в Сребренице как о «сигнале к действию». Голландские солдаты из подразделений ООН, стоявшие и смотревшие, как режут мусульманских мужчин и мальчиков, убедили некоторых мусульман в том, что Запад не будет ничего делать, когда убивают мусульман.

После возвращения в Германию все стало еще хуже. Позже тем же летом мы с Хишамом пошли за мороженым. Дело было неподалеку от Хольцхаузенпарк, рядом с нашим домом во Франкфурте.

Когда мы возвращались домой, около нас остановилась машина, где сидели четверо немцев.

– Чернозадые! Мы убьем вас, чернозадые! – завопили они.

Со своими бритыми головами и татуировками парни выглядели как скинхеды. Таких людей в нашей округе редко доводилось встретить. Я огляделась, чтобы понять, к кому они обращаются, но улица была пуста.

– Мы вам двоим говорим, чернозадые! – закричал один из них. – Мы вас убьем! Мы вас отправим в газовые камеры!

Брат начал плакать. Я бросила мороженое, схватила Хишама за руку и крикнула, чтобы он бежал. Машина последовала за нами. Я знала, что не смогу бежать слишком быстро из-за братика, поэтому схватила его на руки и свернула на улицу с односторонним движением. Парни в машине собирались последовать за нами, но тут появились другие машины и начали гудеть. Один из водителей закричал, что вызо-

вет полицию, и скинхеды уехали. Мы с братом, всхлипывая, побежали домой.

Я сказала родителям, что мы должны уехать из Германии. Я умоляла их: «Вначале они сожгли евреев, а теперь сожгут и нас». Я снова и снова думала о том, что друг моего брата говорил в Мекнесе: до мусульман в Европе скоро доберутся. Неужели он был прав?

По ночам мне в кошмарных снах снилась машина, полная скинхедов. От этого я просыпалась в слезах. Я начала много читать о Третьем рейхе, Холокосте и о том, как это все начиналось. Я была переполнена страхом, таким сильным, какого еще никогда не ощущала, страхом не только за себя, но и за всю мою семью. Читая про то, что фашисты делали с инвалидами, я не могла не думать о моей сестре Фатиме. Я больше не чувствовала, что в Германии я в безопасности, не ощущала я и того, что эти люди меня принимают. Целыми днями я просила родителей собрать вещи и уехать. «Эти люди не хотят, чтобы мы были здесь», – говорила я.

Однажды я услышала по радио интервью с Мишелем Фридманом, одним из еврейских лидеров, который так горячо откликнулся на нападения на иммигрантов-мусульман. Он говорил о Холокосте, о том, как это – быть ребенком родителей, которые пережили эту катастрофу, и жить в Германии. Тем не менее, Фридман не захотел уезжать из страны, когда вырос. «Покинуть Германию и поселиться где-нибудь еще – это был бы самый простой вариант, – сказал он веду-

щему. — Мы — а я говорю обо всех людях, которым не чуждо чувство человечности, будь они евреями, мусульманами или христианами, — не можем позволить этим правым группировкам победить, позволить им заставить нас замолчать или собрать свои вещи и уехать».

С этого дня я перестала просить родителей уехать из Германии. Вместо того чтобы дать волю своим страхам и чувству отчуждения, я восприняла их как трудную задачу, которую я решаю и по сей день. Я решила работать так напряженно, как только могу, и приложить все усилия, чтобы победить те силы, которые так напугали меня. Вот что я имела в виду много лет спустя, когда в разговоре с лидером ИГИЛ на турецко-сирийской границе сказала, что он выбрал самый простой путь. Я считаю, что мой путь был труднее.

Отчасти меня спасли мои родители. Я не могла сказать, что все немцы были плохими, потому что я жила среди хороших людей, которые меня поддерживали и заботились обо мне. Сейчас это все очевидно, но тогда я была подростком и очень злилась.

Иногда я задаюсь вопросом о том, что было бы, если бы вербовщик Исламского государства нашел меня в те темные минуты. Не уверена, как бы я ему ответила и хватило бы у меня сил сопротивляться.

Глава 2

Гамбургская ячейка.

Германия, 1994–2003 года

Когда я была подростком, политика и происходящие в ней события полностью захватывали мое воображение. Я просила своих немецких крестных оставлять для меня журналы и выпуски *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, одной из самых крупных немецких ежедневных газет, чтобы я могла их прочитать. Однажды я увидела статью о старом фильме, рассказывающем о двух журналистах. Их репортаж привел к уходу с должности американского президента Ричарда Никсона. В статье говорилось, что фильм основан на реальных событиях. В ней была и большая черно-белая фотография Роберта Редфорда и Дастина Хоффмана в редакции новостей.

Как и все дети, я думала о том, кем хочу быть, когда вырасту. Я размышляла о том, чтобы стать актрисой или политическим деятелем, но фильм «Вся президентская рать» склонил чашу весов в пользу журналистики. Я была заворожена мыслью о том, что Боб Вудворт и Карл Бернштейн добрались до людей, обладающих властью, что они были так настойчивы в своих поисках истины и что их статьи оказали такое воздействие. «Только посмотри на это! – думала я. – Журналистика может изменять мир». Это напомнило мне о

том, что мой дедушка говорил мне в Марокко много лет назад: «Люди, находящиеся у власти, – это те, кто пишет историю». Я видела, что журналисты не просто описывают то, что происходит; то, что они пишут, может менять жизнь.

Моим родителям не особенно нравился мой выбор профессии. Мама сказала, что в турецких тюрьмах полно журналистов. Папа передал точку зрения одной из своих коллег, которая сказала ему, что очень многие «немецкие немцы» хотели стать журналистами и так и не смогли найти работу. «Она сказала, что эта профессия больше для «немецких немцев», а тебе лучше заняться чем-нибудь еще, – говорил отец. – К примеру, ты могла бы стать медсестрой».

Я понимала возражения матери. Она беспокоилась о моей безопасности. Но когда возражать начал отец, я была просто разочарована. Почему он позволял другим людям решать, что хорошо, а что плохо для меня? И что он имел в виду, говоря о том, что многие «немецкие немцы» хотели стать журналистами? Разве я не родилась в Германии?

Редфорд и Хоффман действовали на меня сильнее, чем сомнения моих родителей. Посмотрев фильм, я вырезала из газеты фотографию актеров, стоящих в редакции новостей, и повесила ее на дверь своей спальни. Я была настроена стать журналистом. Также я понимала, что мне придется платить за свое образование, потому что у моих родителей нет возможности это сделать.

В четырнадцать лет я работала на двух работах: по суббо-

там трудилась в пекарне и два раза в неделю сидела с детьми. В шестнадцать прибавилось еще две работы: репетиторство по математике и немецкому и работа по дому у пожилых людей по вечерам. Я мыла полы, посуду и кормила пожилых леди.

Тогда же я основала школьный журнал под названием «Фантом». Первыми корреспондентами и редакторами в нем были мои самые близкие друзья. Мы брали интервью у политиков и других известных людей, в том числе у Мишеля Фридмана, еврейского лидера, чья личность так потрясла меня после убийства турецких мигрантов и который был политической силой в Христианском демократическом союзе. Разговаривали мы и с Герхардом Шредером, который тогда был премьер-министром земли Нижняя Саксония. Я встречалась с ним на политическом мероприятии во Франкфурте до того, как он стал кандидатом на пост канцлера Германии от Социал-демократической партии. Протолкавшись через толпу журналистов и охранников, окружавшую его, я тронула Шредера за плечо и попросила дать мне интервью для школьной газеты. Я сказала ему, что считаю очень важным, чтобы политики говорили с молодежью. Он повернулся к своему помощнику: «Зигрид, ты не мог бы дать этой молодой леди свою визитную карточку?»

В ответ я с гордостью вручила свою самодельную визитку, где на белом фоне было синим цветом написано мое имя. Я украсила карточку серебряными искорками, чтобы люди

запоминали меня.

Шредер улыбнулся. «Когда мы получим вопросы от «Фан-тома», просто передай их мне», – сказал он своему помощнику. Мы несколько минут поболтали, и он спросил, в каком я классе.

Я не понимала, что в тот момент все репортеры собрались вокруг, и некоторые из них делали фотографии. На следующий день маме позвонила подруга: «В газете фотография твоей дочери вместе с Герхардом Шредером!» Я купила газету и даже порвала ее, торопясь открыть. Но потом я увидела подпись под фотографией: «Герхард Шредер объясняет политические вопросы молодому члену партии во Франкфурте». Я была в ярости. Я позвонила в газету и попросила внести исправления. «Вы не можете просто написать, что я член Социал-демократической партии, – сказала я. – Это не так!» Но люди в редакции новостей просто смеялись надо мной и говорили, что фотография вышла великолепная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.